Е. Г. Лукашанец (Минск)

АСЕМАНТИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СТРУКТУРЕ АРГОТИЧЕСКОГО СЛОВА

Проблема членимости слова – одна из центральных проблем восточнославянской морфемики. В частности, до сих пор спорной остается квалификация некоторых «остаточных» элементов морфемного состава слова – т. н. «интерфиксов», или «субморфов», «межморфемных прокладок» и т. д. В арго подобные «остатки» (назовем их асемантическими элементами – АЭ) гораздо более распространены и отличаются от схожих элементов в литературном языке (ЛЯ), что делает необходимым их специальное рассмотрение.

АЭ противопоставлены, с одной стороны, фонемам по своей форме (АЭ чаще всего представляют собой звукосочетания) и, с другой – морфемам как единицам, имеющим значение. Кроме того, предполагаем, что АЭ имеют и свою функцию, отличающую их и от тех и от других, – функцию отталкивания, свойственную всем единицам криминальных арго. Спектр АЭ достаточно разнообразен, и различны дополнительные функции, выполняемые ими в арго, а степень их выделимости зависит от ряда факторов.

1. Прежде всего, можно выделить наиболее близкую к морфемам группу АЭ, получившую рабочее название «асемантические аффиксы». Они вычленяются на основе словообразовательного анализа: в ЛЯ или в арго существует слово, которое не содержит этого аффикса, а значит, может быть рассмотрено как формально мотивирующее арготизм с асемантическим аффиксом: *кентарий* ‘друг’ ← *кент* ‘друг’, *охнарик* ‘окурок’ ← *охнарь* ‘окурок’.

Вопрос о квалификации таких аффиксов не прост. Если считать, что добавление аффикса всегда свидетельствует об изменении семантики, пусть даже и о т. н. стилистической модификации и под., тогда, безусловно, наши АЭ перестают быть таковыми и должны быть причислены к морфемам. Такому взгляду, однако, противоречат достаточно сильные тенденции к потере некоторыми (в частности, оценочными) русскими аффиксами значения (ср. слова типа *жилетка*), а о стилистической модификации, нередко отмечаемой в ЛЯ для таких случаев, применительно к арго вряд ли можно говорить. Если же принять ту точку зрения, что при отсутствии семантической мотивированности словообразовательные отношения

между двумя словами все равно устанавливаются, то словообразовательная функция таких элементов выходит на первый план, превалируя над функцией отталкивания.

Следует также учитывать и этимологическую разнородность этих АЭ. Так, в отличие от рассмотренных выше слов, вряд ли можно говорить о словообразовательной функции т. н. бывших маскировочных элементов, или, по другой терминологии, «фонетических аффиксов», которые были в основном заимствованы криминальным арго из старых социолектов – условных языков восточнославянских ремесленников и торговцев: *ватагарник* ‘ватага’, *дымарить* ‘курить’ ← *дымить* ‘курить’ (ср. *зубарик* ‘зуб’, *приступарить* ‘приступить’ в белорусских условных языках). Эти элементы генетически не имели другой функции, кроме функции отталкивания от слов ЛЯ. Однако в арго таких элементов не так много, да и некоторые из них сходны с аффиксами ЛЯ.

Таким образом, целесообразно констатировать для всех рассмотренных случаев явно переходный характер таких АЭ. Можно сказать, что к функции отталкивания здесь добавляется словообразовательная функция, существующая как бы в своем «погашенном» виде. Степень формальной выделимости этих АЭ максимально высока, какова бы ни была их функция. Кроме того, она не зависит от формального сходства с аффиксами РЯ.

2. Другая группа АЭ – это оформители иноязычных слов, что и составляет их дополнительную функцию. Степень их формальной выделимости меньше, чем в предыдущей группе, и зависит от ряда других факторов и, прежде всего, от наличия или отсутствия соответствующего элемента в самом прототипе: если его нет, то выделение АЭ не вызывает сомнения. Таковы почти все заимствованные арготические глаголы: *лукать* ‘подсматривать’ (англ. *look*), *шпилить* ‘играть в карты’ (нем. *spielen*), а также некоторые существительные: *сумар* ‘хлеб’ (греч. *ψωμι* ‘хлеб’). Выделимость АЭ повышается при наличии вариантов оформления иноязычного слова: *карыга*/*карюка* ‘девушка’ (греч. *корη* ‘девушка’). Если же соответствующий элемент имеется в иноязычном слове, то выделимость АЭ обусловлена двумя факторами: а) формальным сходством с аффиксом ЛЯ и б) частотностью употребления. Первый фактор, в свою очередь, нередко зависит от характера языка-донора. Так, при заимствовании из славянских языков этимологически вычленяемые

элементы, по сути, генетически и формально сходны с соответствующими аффиксами русского языка: *кач<u>ка</u>* ‘толстая, неопрятного вида женщина’ ← бел. *качка* ‘утка’, *лайд<u>як</u>* ‘ленивый человек; мошенник’ ← польск. *łajdak* ‘подлец’.

С другой стороны, заимствования из английского и немецкого языков также достаточно часты не только в арго, но и в ЛЯ, поэтому элемент ***-ер***, например, тоже, на наш взгляд, вычленяется в сознании носителей арго: *спикер* ‘звуковая колонка’ из английского языка, *випер* ‘сбытчик фальшивых денег’ (*Wipper* ‘фальшивомонетчик’) – из немецкого. В случае же низкой частотности АЭ в заимствованных словах говорить о вычленении его вряд ли возможно: *кишеня* ‘карман’. Понятно, что степень вычленения таких АЭ минимальна.

3. К этой группе близка и третья группа – АЭ, функционирующие как оформители остальных немотивированных номинаций. Часть этих номинаций составляют неэтимологизированные слова, другая часть, возможно, действительно придуманные носителями арготизмы. Выделимость АЭ здесь зависит, во-первых, от сходства с аффиксами РЯ (несходные с ними элементы не выделяются), во-вторых, от структуры АЭ и от структуры арготизма вообще. Так, высокой степени выделимости обладают АЭ, состоящие, как минимум, из 3–5 фонем: *дашкошник* ‘скупщик краденого’, *халдыговина* ‘трамвай’. Менее четко выделяются АЭ одно- или двухфонемные: *паска* ‘судимость’, *чибик* ‘доза опия в 40 г’. Эти случаи, возможно, следует относить к переходным: от «почти фонем» к «почти аффиксам». При этом, как показано на схеме, степень «морфематичности» возрастает от 3 к 1 группе:

фонемы	**АЭ, оформляющие**		**асемантические аффиксы**	**морфемы**
	неэтимологиз. слова	**заимствованные слова**		
	халдыговина чибик	сумар качка	кентарий охнарик	